

Есть ли место для России на ближневосточном базаре?

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 359
Февраль 2015

Павел Баев
Институт исследований мира, Осло

Вспышки террористических кризисов и неожиданные повороты дипломатических интриг продолжают менять политический ландшафт Ближнего Востока, но Россия присутствует только отдельными всплесками в этом потоке новостей. Такая третьестепенная роль не отвечает не только традициям сильной ближневосточной политики Москвы, но и острой необходимости подтвердить свой статус ведущей мировой державы, серьезно подорванный неравносильной конфронтацией с Западом. Резонно предположить, что внимание российского руководства настолько сконцентрировано на этой конфронтации, разворачивающейся даже по ходу затянувшейся паузы в украинском конфликте, что возможности поучаствовать в торговле на шумном базаре, где заключаются и разрываются политические сделки с неопределяемым коэффициентом судьбоносности для Ближнего Востока, просто ускользают. Эффектное появление саудовского принца Мухаммеда бен Сальмана на малоуспешном Санкт-Петербургском экономическом форуме напомнило о том, что у России есть серьезные интересы на этом базаре, связанные не в последнюю очередь с колебаниями цены на нефть. Вопрос о том, найдет ли Россия способы защиты этих интересов и поддержания своего ближневосточного статуса может иметь варианты ответов, отличные от категорически негативного.

Дурная бесконечность сирийской гражданской войны

Сирия, погрузившаяся в четырехлетний кошмар гражданской войны, остается главным объектом приложения усилий российской ближневосточной политики, но осмысленность этих усилий отчетливо сходит на нет. В начале этой войны, российскому руководству было важно доказать, что повторения ливийской ошибки не будет – и планы новой интервенции НАТО (которых, впрочем, в реальности не существовало) будут решительно пресечены. Сирия представлялась бастионом, стоящим на пути хаоса арабских революций, и даже главным полем глобальной битвы между силами консервативной стабильности и мятежом «цветных революций». Президент Путин сделал рискованную ставку на выживание режима Башара аль-Асада, падение которого в течение 2012 года казалось неотвратимым, и оказался в выигрыше, который, впрочем, принес немного дивидендов.

Потрясающий успех инициативы по ликвидации сирийского химического арсенала (и предотвращении американского ракетного удара) в сентябре 2013 года был воспринят в Кремле как стратегический прорыв, закрепивший центральную роль России на Ближнем Востоке, а не как преходящий тактический успех.

Воодушевленность этим достижением возможно подтолкнула и к решительным шагам в недопущении подписания Украиной соглашения об ассоциации с ЕС, что обернулось колоссальным провалом российской внешней политики и стало точкой отсчета кризиса, взорвавшего систему европейской безопасности. Эскалация этого кризиса поставила Россию в принципиально новое международное положение (и в этом смысле Путин совершенно прав, говоря о пересмотре всех доктринальных документов), и в частности, резко сузила ресурсную базу принципиального контрреволюционного и анти-интервенционистского курса на Ближнем Востоке.

Иллюстрацией нарастающей утраты влияния стал тихий провал попытки затеять в Москве переговорный процесс между режимом аль-Асада и «конструктивной» оппозицией в феврале-марте этого года.

Углубляющийся экономический кризис элементарно лишает Москву возможности материальной поддержки последнего квази-союзника на Ближнем Востоке, и при этом Иран – другой важнейший источник помощи – также вынужден сворачивать

финансирование, поскольку падение цены на нефть больно ударило по его бюджету. Прагматическим выбором в этой ситуации было бы расчетливое согласие на смену режима в Дамаске, но проблема заключается в том, что торговаться по такой «стратегической уступке» оказалось не с кем. Мощный выход на арену сирийской и иракской гражданских войн с середины 2014 года так называемого «Исламского государства» (ИГИЛ) потребовал переориентации местных интриг и стратегии США на борьбу с новым врагом. Москва декларирует готовность включиться в эту борьбу, но попытки представить поддержку аль-Асада как вклад в нее не находят понимания, а ее протесты против авиационных ударов по позициям ИГИЛ просто не принимаются во внимание. Сконструировать эффективную альтернативу режиму аль-Асада (который по-прежнему остается неприемлемой фигурой для Турции, Саудовской Аравии и США) не удастся, что для Москвы означает невозможность получить какую-либо компенсацию за его вынужденную «сдачу».

Особые отношения ни о чем с тремя антагонистами

Серьезным преимуществом для российской политики на Ближнем Востоке могла бы быть возможность прямых контактов с максимально широким кругом партнеров (включая, к примеру, Хамас), но наличие каналов для диалога зачастую обесценивается отсутствием предмета для содержательных переговоров. По сирийской проблеме Москва может вести обмен мнениями на высшем уровне с тремя ключевыми игроками – Израилем, Ираном и Турцией, но ни один из них не выражает заинтересованности в российском посредничестве, поскольку отчетливый анти-американизм расходится с их представлениями о способах контроля над опасно мутирующей войной.

Связи без последствий с Израилем

У Путина сложились уважительные и даже доверительные отношения с многоопытным премьер-министром Израиля Беньямином Нетаньяху, и раскручивание украинского кризиса несколько их не охладило. Израиль полностью

исключает вопрос о присоединении к санкциям против России, и Нетаньяху даже подумывал о визите в Москву на празднование 70-летия Победы, но нашел уважительно-дипломатический предлог не присоединяться к малопочтенной компании. Резко негативное отношение российского руководства в так называемой «арабской весне» находит полное понимание в Израиле, но убежденность Кремля в том, что революции инициируются и манипулируются Вашингтоном, воспринимается как казус, поскольку характер работы администрации Барака Обамы слишком хорошо известен израильским политикам, хотя и не вызывает у них горячего одобрения.

С самого начала сирийской войны Путин был уверен, что его курс на поддержку режима аль-Асада не расходится с интересами Израиля, а удары израильской авиации по отрядам Хезболла на территории Сирии не встречали осуждения в Москве. Безоговорочная поддержка Москвой военного переворота в Египте в июле 2013 года (который США сочли необходимым осудить) и президентских выборов в мае 2014 года (которые сопровождались жестким подавлением оппозиции) также нашла полное понимание в Израиле. Путин пытался закрепить наметившиеся личные отношения с президентом Абдул Фаттахом ас-Сиси в ходе «рабочего» визита в Каир в феврале 2015 года, но работа по подготовке контрактов на поставку вооружений пошла насмарку, поскольку обещанных Эр-Риядом денег в наличии не оказалось.

Израиль в целом поддерживает стремление России играть более активную роль в регионе, но прекрасно представляет ограниченность ее возможностей, задаваемую не только нехваткой ресурсов, но и крайней скудостью экспертизы, поскольку в кремлевском «узком кругу» никто не в состоянии понять хитросплетений ближневосточного базара, да и Сергей Лавров, при всем его несомненном профессионализме, разбирается в них средне.

Пустые хлопоты партнерства с Ираном

В течение многих лет российскому руководству было выгодно изображать особое значение «добрососедского» партнерства с Ираном, но реальное содержание этих

многозначительно не разглашаемых связей было не слишком богатым. Торговые сделки, и в особенности контракты на поставку вооружений, обсуждались годами, хотя их стоимость едва ли стоила этих хлопот, но нет никаких свидетельств тому, что ситуация в Сирии, исключительно важная для обеих сторон, была предметом серьезных обменов мнениями и информацией.

Параллельно с развитием украинского кризиса развивалась интрига завершающего этапа многосторонних переговоров по иранской ядерной программе в Швейцарии, которая вот-вот должна завершиться триумфальной (или скандальной) развязкой. Россия была полноправным участником этих переговоров, но ее практический вклад в их продвижение был весьма скудным. К нескрываемому неудовольствию Москвы, все ключевые развязки были достигнуты в двустороннем формате между Ираном и США, где российская позиция, нацеленная на скорейшее снятие санкций, реального значения не имела. Россия воздерживалась от каких-либо демаршей в Лозанне и Женеве, но целый ряд политических шагов подтверждал тщательно скрываемую незаинтересованность в достижении решения по ключевой международной проблеме. Далеко идущие договоренности по развитию сотрудничества в ядерной энергетике, контракты по экономически сомнительной закупке и перепродаже иранской нефти, решения по снятию односторонних запретов на поставку в Иран зенитно-ракетных комплексов были приурочены к критическим моментам в переговорном процессе. Москва рассчитывала усилить самоуверенность и несговорчивость Ирана, поскольку выход на компромиссные развязки означал не только потерю привилегии партнерства с международным «изгоем», но и резкое снижение политического профиля России на Ближнем Востоке.

Много шума из ничего с Турцией

Выстраивание особых отношений с Турцией было одной из центральных внешнеполитических установок, материальным содержанием которой было расширение экономических связей, и в первую очередь экспорта газа, а главным способом реализации служили личные отношения между Путиным и премьер-министром, а с августа 2014 года – президентом Реджеп Тайипом Эрдоганом.

Газовые отношения были отнюдь не простыми, и Анкаре никогда не нравился проект газопровода «Южный поток», а Москва работала против проекта «Набукко» и с подозрением относится к планам расширения поставок каспийского газа в Европу через Турцию. Падение цен на нефть и газ отлично устраивает турецкий бизнес, но правительство не спешит с решениями по спешно сверстанному Газпромом проекту газопровода «Турецкий поток», бюджет которого невозможно свести с положительным балансом.

Сирия с самого начала конфликта оказалась предметом острых разногласий между Россией и Турцией, поскольку Эрдоган заявил себя непримиримым противником аль-Асада. Путину приходилось прилагать максимум дипломатических усилий, в частности в ходе визита в Анкару в декабре 2014 года, чтобы выносить эти разногласия за скобки партнерских отношений. Уважительно называя Эрдогана «крепким мужиком», Путин считал его единоличным хозяином турецкой политики – и тем неожиданной для Кремля оказались результаты парламентских выборов в Турции в июне 2015 года. Список неприятных вопросов (включая тему армянского геноцида), которые нужно было выносить за скобки диалога расширился настолько, что во время последней встречи в Баку оба лидера предпочли позировать перед прессой в многозначительном молчании.

В поисках контр-миротворческой роли

Российская дипломатия явно теряет позиции на супер-сложных политических аренах Ближнего Востока, и едва ли сможет восстановить свой авторитет изобретением еще одной сенсационной инициативы, подобной ликвидации сирийского арсенала химического оружия, который впрочем был технически уничтожен при минимальном участии России. Проблема заключается не только в том, что отсутствие ресурсов делает любую инициативу малоосуществимой, но и в том, что традиционные установки на продвижение переговорных процессов плохо сочетаются с тем обстоятельством, что гипотетическое урегулирование любого конфликта не пойдет на пользу интересам России. Нестабильность на Ближнем

Востоке несомненно чревата большими рисками, большинство которых для России остаются в рамках приемлемого, тогда как стабилизация (равно как и демократизация) открывает дорогу для экономической конкуренции США, Китая, ЕС и оставляет Россию не у дел.

Главным моментом, задающим заинтересованность России в нарастании конфликтности на Ближнем Востоке, безусловно является глубокое падение цен на нефть, которое президент Путин все еще старается представить как временную аномалию. Удешевление углеводородного сырья все больше принимает черты долговременной тенденции, формируемой развитием технологий добычи (в том числе так называемой «сланцевой революцией»), но Россия в эту тенденцию не вписывается, уже хотя бы потому, что сбалансировать бюджет на таком уровне нефтегазовых доходов нет никакой возможности. Единственной возможностью переломить эту тенденцию было бы обострение конфликтной ситуации в районе Персидского залива, хотя в среднесрочной перспективе корректнее было бы учитывать вероятность того, что хотя бы в одном из трех крупнейших поставщиков (Ливия, Ирак, Иран), которые работали меньше, чем на половину своего потенциала в переломном для цен на нефть 2014 году, добыча выйдет на нормальный уровень.

Другим моментом, подталкивающим Россию к манипуляциям с ближневосточными конфликтами, является нарастающая нацеленность ее политики на противодействие политике США, что связано в первую очередь с опасной мутацией гражданской войны в Донбассе. Попытки Вашингтона комбинировать жесткое сдерживание России на европейском театре с ограниченным сотрудничеством на других стратегических направлениях, в первую очередь на Ближнем Востоке, выглядят логично с точки зрения прагматизма. В российской политике, однако, прагматические расчеты отступают перед эмоциональным анти-американизмом, так что любая возможность сорвать планы США становится все более ценной, даже если Москву тактично приглашают поучаствовать в реализации этих планов.

Главным сдерживающим фактором на пути попыток экспериментировать с ролью дестабилизатора является позиция Китая, который все больше зависит от поставок нефти из района Персидского залива, но не имеет возможности силового обеспечения своих интересов. Для Китая крайне непривычной оказывается ситуация, когда США, которые больше не зависят от импорта нефти, оказываются главным гарантом бесперебойных поставок. Российский анти-американизм оказывается для Пекина в этой ситуации крайне неуместным.

Китай занимал сугубо пассивную позицию на переговорах в Швейцарии по иранской ядерной программе, но отчетливо обозначил свою позицию в пользу достижения соглашения. Российские переговорщики тоже не внесли заметного вклада в продвижение процесса, но тот факт, что все ключевые развязки были найдены в двустороннем формате между госсекретарем США и министром иностранных дел Ирана, был для Москвы серьезным раздражителем. Китайская позиция, однако, лишила российскую сторону возможностей торпедировать выход на договоренности, и теперь снятие санкций откроет для Ирана перспективу быстрого наращивания (с помощью китайских инвестиций) добычи и экспорта нефти и газа, что будет серьезным ударом по планам Газпрома и Роснефти.

Потенциал нестабильности в районе Персидского залива остается высоким, и эскалация гражданской войны в Йемене остается прямой угрозой безопасности Саудовской Аравии – и трудным испытанием для Ирана, который не заинтересован в разжигании традиционной вражды между суннитами и шиитами, но и не может не оказать поддержки мятежникам-хуситам. Россия предприняла несколько непродуктивных маневров вокруг этого конфликта, но саудовский принц по всей видимости конкретно объяснил Путину нежелательность дальнейших манипуляций.

Новые вспышки переплетающихся гражданских войн на Ближнем Востоке можно прогнозировать, не боясь ошибиться, но возможности для России сыграть ключевую роль в тушении какой-либо из них может и не представиться, как бы ни хотелось Кремлю повторить сирийский успех. Для того, чтобы увидеть и не упустить свой шанс, необходимо работать с широким составом действующих лиц и

нарабатывать запас доверия, а в российском руководстве, не только на высшем уровне, но и на нескольких уровнях ниже, интереса к такой работе ожидать не приходится. Играть на срыв попыток урегулирования и демонстрировать поддержку тем силам, которые бросают вызов США, проще – но едва ли России удастся добиться крупного успеха в такой роли.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. www.ponarseurasia.org